

УДК 82-94

Л. М. Бондарева

**ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЛОВ-РЕАЛИЙ
В РЕТРОСПЕКТИВНОМ ДИСКУРСЕ**

Рассматриваются лингвопрагматические аспекты ретроспективного дискурса, в процессе структурирования которого важную роль играют слова-реалии. Осуществляется систематизация и классификация данного вида лексики в зависимости от характера ее воздействия на читателя. Особое внимание уделяется антропонимам, топонимам и темпоральным маркерам, аккумулирующим актуальную для читателя информацию.

The author analyses the linguistic and pragmatic aspects of retrospective discourse which is structured by various means including culture-specific words. The author offers a systematized classification of these words depending on the effect these words produce on the reader. Special attention is paid to anthroponyms, toponyms, and temporal markers accumulating information which is important to the reader.

Ключевые слова: ретроспективный дискурс, «идеальный» читатель, слова-реалии, эксплицитная прагматическая направленность, имплицитная прагматическая направленность.

Key words: retrospective discourse, «ideal» reader, culture-specific words, explicit and implicit pragmatics.

Слова-реалии (СР) относятся к одной из наиболее репрезентативных групп характерологической лексики, являющейся важным компонентом стилистически дифференцированного словарного состава любого национального языка. В целом СР следует рассматривать, согласно авторитетному мнению Э. Ризель и Е. Шендельс, в качестве стилистической категории, которая в языковом плане реализуется посредством историзмов, архаизмов, неологизмов, фразеологизмов, терминов, имен собственных, географических названий, цифрового материала и т.п. [10, S. 84].

Основным назначением данного рода лексики представляется ее использование как средства создания в тексте темпорального, локального, социального, шире — национально-культурного и иных видов колорита. В этой связи не вызывает сомнений факт очевидной релевантности СР для процесса языкового структурирования *ретроспективного дискурса*, предполагающего реконструкцию речевым субъектом определенных фрагментов / этапов / периодов личного или чужого прошлого опыта.

Как показывает практика литературной коммуникации, ретроспективный дискурс выступает в двух подтипах: *субъективно обусловленном*, возникающем на основе работы личностной, так называемой автобиографической памяти, и *объективно обусловленном*, где текстопорож-

дающим фактором служат механизмы функционирования коллективной памяти. В любом случае главная интенция субъекта литературного творчества — это воссоздание примет и специфического «аромата» ушедшей эпохи, появляющейся в сознании читателя благодаря ретроспективной деятельности автора.

Вполне понятно, что речь идет о совокупности нехудожественных, художественно-документальных и художественных текстов, к которым относятся прежде всего историографические и агиографические тексты, авто- и биографии, мемуары, мемуарные литературные портреты, исторические романы и пр.

16

Прагматический потенциал СР как маркеров темпорального колорита в ретроспективном дискурсе актуализируется в ходе постижения и расшифровки читателем макроконтекста произведения, то есть всего социально-исторического уклада и связанных с ним представлений, понятий, воззрений, характерных для реконструируемой писателем прошлой действительности.

Однако, рассуждая о факторе адресата и его роли в процессе порождения и структурирования ретроспективного дискурса, как и любого типа дискурса вообще, необходимо предварительно сделать ряд замечаний.

При трактовке категории адресованности в филологических исследованиях традиционно выделяются реальный, «идеальный» и фиктивный читатель (подробнее см.: [2; 6]). Под *реальным читателем* подразумевается существующая в действительности читающая публика, играющая роль арбитра и обладающая своим конкретным литературным вкусом, соответствующим духу и нравам современной ей эпохи. Этот «потребитель» текстовой информации оказывает прямое влияние на формирование в сознании творческого субъекта образа «идеального» читателя, то есть представления о своем читателе — интенциональном, гипотетическом, все понимающем собеседнике, достойном партнере по общению, к которому можно обращаться как к равному. Именно этому читателю, являющемуся определенной «читательской идеей», адресуется произведение в целом, что находит отражение на всех структурных уровнях текста и реализуется в отборе релевантных языковых средств.

Добавим, что в данной связи О.Л. Каменская говорит о существовании некоего «коммуникативного портрета», или квазипортрета, который входит в прогнозируемый писателем облик будущего реципиента, включая представление автора о тезаурусе потенциальной личности читателя [1, с. 116].

В свою очередь, так называемый *фиктивный читатель* служит структурным элементом текста, «действующим лицом» повествования, к нему автор может непосредственно обращаться на страницах своего произведения.

Учитывая все вышеизложенное, нам видится возможным выделить в текстах, циркулирующих в семантическом пространстве ретроспективного дискурса, две основные группы СР, обладающих разным прагматическим потенциалом:

– СР с имплицитной прагматической направленностью, апеллирующие прежде всего к сумме фоновых знаний «идеального» читателя, его личностному тезаурусу;

– СР с эксплицитной прагматической направленностью, сопровождающиеся более или менее пространным авторским комментарием, ориентированным на «идеального» или фиктивного читателя.

Попытаемся проанализировать главные особенности каждой из упомянутых групп.

СР с *имплицитной прагматической направленностью* «растворены» в поверхностной структуре повествования о прошлом в виде элементов бытовых зарисовок без какого-либо комментария или специальной акцентуации со стороны субъекта речевой деятельности. Поскольку такие СР естественно интегрированы в конкретный социально-культурный контекст, обеспечивая самим фактом своего существования в тексте возможность реконструкции специфического колорита описываемой эпохи, «идеальный» читатель легко может расшифровать их при наличии у него соответствующей пресуппозиции, что заведомо предполагается создателем текста. Подобными приметам времени выступают обычные описания предметов быта, событий, фактов и явлений ушедшей действительности, говорящих сами за себя и не требующих специального вмешательства автора для их адекватного восприятия читателем.

Наглядным примером может служить фрагмент текста автобиографии немецкого писателя Л. Ренна «Meine Kindheit und Jugend», в котором подробно характеризуется армейская форма немецких офицеров на рубеже XIX–XX вв., явно отличающаяся от современной автору военной одежды:

Die Offiziere hatten dunkelblaue, grüne, hellblaue Uniformen mit roten oder weißen Kragen, die zum Teil bestickt waren. Diese Röcke liefen von den unheimlich breiten Schultern zu der strammen Taille wie ein V zusammen [9, S. 11].

В качестве интересной особенности хочется отметить тот факт, что благодаря активной фиксации авторами аутентичных реалий иногда представляется возможным на основе сравнительного анализа нескольких текстов проследить эволюцию отдельных изобретений человеческой цивилизации. Так, в автобиографии Г. Гауптмана «Das Abenteuer meiner Jugend» (пример 1), созданной в 1937 г., нововведением во времена детства писателя признается использование газового освещения. В то же время в автобиографии А. Шницлера «Jugend in Wien. Eine Autobiographie» (пример 2) и произведении О.М. Графа «Das Leben meiner Mutter» (пример 3) говорится о пришедшей на смену газу новинке общеевропейского масштаба — электрическом освещении. При этом А. Шницлер осуществляет четкую временную атрибуцию данной реалии, относя функционирование соответствующего денотата как достаточно свежего изобретения к 1888 г.:

1. Damals war Beleuchtung durch Gas eben aufgekommen. Mein Vater neigte zu jeder Art von Modernität, so legte man auch in der Preußischen Krone Gasröhren. Die Brenner mit der in einer Explosion sich entzündenden fächerförmigen Flamme waren primitiv [7, S. 78].

2. In Berlin angelangt, stieg ich in dem eben eröffneten Hotel Continental ab, wo ich zum erstenmal ein Zimmer mit elektrischer Beleuchtung bewohnte, die nicht nur für mich, sondern für die gesamte mitteleuropäische Menschheit im Jahre 88 noch etwas ziemlich Neues bedeutete [11, S. 316].

3. «Was?.. Das Elektrische?» meinte die Mutter, der verzwickte Worte stets schwer von der Zunge gingen. «Was soll denn das schon wieder sein?» ... Sie konnte sich Licht ohne Zündholz und Petroleum durchaus nicht vorstellen. Und sie erwartete von dem «neumodischen» Zeug nicht das mindeste... [5, S. 284].

Особую группу среди СР с имплицитной прагматической направленностью составляют антропонимы, топонимы, хрононимы, номинации исторических событий, актуальные для реконструируемого прошлого. Сразу укажем, что совокупность употребленных *антропонимов*, а также преференция какой-либо определенной тематической антропонимической группы в конкретном тексте могут служить существенным критерием при типологической дифференциации анализируемых текстов.

Если преобладают антропонимы, референциально соотносящиеся с ближайшим окружением речевого субъекта, то это свидетельствует о принадлежности данного текста к «камерной», или «психологической», разновидности автобиографии / мемуаров. Напротив, многообразие имен собственных, характерных для изображаемого прошлого, и их гетерогенность подтверждают факт функционирования «эпической» разновидности автобиографии, мемуаров или любого историографического текста. Кроме того, антропонимы выдающихся исторических личностей нередко выступают в качестве индикаторов персонального биографического времени авторов воспоминаний о собственной жизни, и тогда судьбы «великих мира сего» приводятся в соответствии с определенными фазами в духовном развитии автобиографов:

...es war eine sichtbar «neue» Zeit. Gleichsam von der Entwicklung übergangen und sehr schnell zu Legende geworden, war der alte Bismarck vor einigen Jahren gestorben [5, S. 283].

Реализующиеся в ретроспективном дискурсе *топонимы*, придающие необходимый локальный колорит повествованию о прошлом, призваны, как и антропонимы, одновременно быть доказательством подлинности изображаемых событий, что способствует созданию атмосферы доверия между автором и читателем. Естественно, что «качественный» состав топонимических массивов аналогично благоприятствует идентификации конкретного вида анализируемых текстов: историография и эпический подтип автобиографий и мемуаров изобилуют топонимами самой широкой амплитуды, в то время как упомянутому выше «камерному» («психологическому») подтипу присущ достаточно ограниченный топос.

Так, об эпическом характере мемуаров С. Цвейга «Die Welt von gestern: Erinnerungen eines Europäers» ярко свидетельствует, в частности, одно весьма пространное предложение, в котором повествователь общается читателю о своей литературной и общественной деятельности, направленной на духовное объединение Европы: в данной синтаксиче-

ской конструкции функционируют самые разнообразные топонимы, подкрепляемые соответствующими антропонимами и заимствованиями, что углубляет вертикальный контекст писательских воспоминаний:

Ich konnte mit stärkerem Nachdruck und breiterer Wirkung für die Idee werben, die seit Jahren die eigentliche meines Lebens geworden: für die geistige Einigung Europas. Ich hielt in diesem Sinne Vorlesungen in der Schweiz, in Holland, ich sprach französisch im Palais des Arts in Brüssel, italienisch in Florenz, in der historischen Sala dei Dugento, wo Michelangelo und Leonardo gesessen, englisch in Amerika auf einer lecture tour vom Atlantischen zum Pazifischen Ozean [12, S. 346 – 347].

Однако ведущая роль в создании повествователем ориентационных вех для читателя текстов воспоминаний, безусловно, принадлежит различного рода *темпоральным маркерам*, отличающимся существенным разнообразием вариантов и модификаций при их текстовом воплощении. Характер функционирования лексем данного рода зависит в первую очередь от «погруженности» темпорально окрашенных единиц в историческое или, напротив, личное биографическое время субъекта воспоминаний.

Темпоральные маркеры историографической направленности, отражая дух эпохи и сопровождаясь номинациями важных исторических событий или антропонимами выдающихся личностей, преломляются сквозь призму хронотопа прошлого, более молодого авторского «Я», подтверждая факт органической взаимосвязи отдельного человека и окружающей его действительности. Пример тому – фрагмент автобиографии Т. Фонтане «Meine Kinderjahre. Autobiographischer Roman»:

...gerade das halbe Jahrzehnt aber (1827 bis 32), das ich in Swinemünde verbrachte, brachte... des Interessanten eine ganze Fülle: die Befreiung Griechenlands, den Russisch-Türkischen Krieg, die Eroberung von Algier, die Juli-Revolution, die Losreißung Belgiens von Holland und die große polnische Insurrektion [4, S. 110].

При чисто автобиографической ориентации темпоральные маркеры в сочетании с соответствующими топонимами приобретают самостоятельное значение, указывая конкретные этапы жизненного пути автора:

Im Mai 1913 war alles für die Übersiedlung nach Wien vorbereitet, und wir verließen Manchester [3, S. 80].

Таким образом, СР с имплицитной прагматической направленностью, органически присущие текстам воспоминаний, служат целям латентной активизации интеллектуального потенциала «идеального» читателя.

В свою очередь, в анализируемых текстах могут встречаться СР с *эксплицитной прагматической направленностью*, снабженные специальным авторским комментарием, что обусловлено интенцией субъекта воспоминаний заполнить когнитивные лакуны в сознании читателя, не знакомого со спецификой изображаемых реалий в силу большой временной дистанции между временем создания и восприятия текста.

Нередко подобные СР актуализируются в текстах воспоминаний в рамках семантических оппозиций, содержащих темпоральные маркеры *damals – heute* (или их синонимы) и обладающих своего рода «ностальгическим» характером. В подобном контексте речевой субъект пытается передать ауру безмятежного периода собственного детства и юности, испытывая определенную тоску по идеализированному «утраченному раю», который всегда выигрывает при его сравнении с действительностью более поздних этапов «взрослой» жизни. Ряд ностальгических бытовых зарисовок представлен, например, в автобиографии Т. Фонтане:

Es gibt auch heute noch Baumkuchen, gewiß; aber die jetzigen sind Entartungen... während die damaligen eine glückliche Festigkeit hatten... [4, S. 102].

Die (Berliner Milchbrote. – Л. Б.) waren damals natürlich anders als jetzt, viel größer und von kreisrunder Form, dabei hell gebacken und doch knusprig [4, S. 26].

Наиболее простой способ элиминирования потенциальных когнитивных лакун – краткая интерпретация авторами воспоминаний значения соответствующих СР, как это происходит, в частности, в одном из фрагментов уже упоминавшегося текста О. Графа, где речь идет о появлении «толстой Берты» – нового для описываемого времени оружия производства фабрики Круппа. Совершенно очевидно, что «народная» номинация 42-сантиметровой мортиры, применявшейся в Первую мировую войну и являвшейся самым тяжелым орудием немецких сухопутных войск, вряд ли может быть адекватно расшифрована более поздними поколениями читателей без «помощи» речевого субъекта:

An den Biertischen redeten die behäbigen Münchner Bürger viel von der «dicken Bertha», einem neuen Riesengeschütz aus der Kruppschen Fabrik... [5, S. 403].

Необходимо отметить, что в качестве дополнительного средства выражения эксплицитной прагматической направленности авторского комментария СР в тексте могут выступать различного рода косвенные обращения к читателю. Подобная адресация к «идеальному» читателю в форме лексемы *Großstadtkinder*, предвещающая разъяснение смысла реалии *Schlüsselbüchsen* и заявленная уже в препозитивной атрибуции *sogenannt*, наблюдается в следующем эпизоде из автобиографии Т. Фонтане:

Aus sogenannten Schlüsselbüchsen schießen war ein Hauptvergnügen. Es wird solche Schlüsselbüchsen unter Großstadtkindern kaum noch geben, und deshalb möcht' ich sie hier noch beschreiben dürfen... [4, S. 168].

Наконец, автор воспоминаний иногда вступает в прямой диалог не с «идеальным», а фиктивным читателем по поводу той или иной реалии, что актуализируется в поверхностной структуре текста в виде краткого вопросо-ответного единства, предполагающего «неосведомленность» читателя в данной области. В этой ситуации ответной реакцией следует доступное объяснение конкретной реалии со стороны компетентного речевого субъекта.

Впрочем, желая создать определенную интригу в повествовании, автор воспоминаний может умышленно оставить читателя в полном неведении относительно описываемого денотата из сферы прошлого. В подобном смысле заслуживает внимания один из фрагментов автобиографии Э. Кестнера «Als ich ein kleiner Junge war», адресованной детской читательской аудитории. Ностальгирующий по «золотой» поре жизни повествователь затевает игру с юными фиктивными читателями, заставляя их лишь догадываться о том, что скрывается за сущест-вительным *Prasselkuchen*, и удостаивая детей своего сожаления по этому поводу в рамках эмоционально окрашенной парантезы:

Und auf dem Nachhausewege gingen wir in die Konditorei «Parseval», wo ich mit Bienenstich, Prasselkuchen und heißer Schokolade traktiert wurde. (Wißt ihr, was Prasselkuchen ist? Nein? Ach, ihr Ärmsten!) [8, S. 310].

21

Как следует из вышеизложенного, СР с имплицитной и эксплицитной прагматической направленностью являются неотъемлемым элементом семантической структуры текстов любых воспоминаний. Их главная функция заключается в создании необходимого исторического колорита, присущего реконструируемому прошлому, однако одновременно такие языковые единицы способствуют активизации ментально-когнитивной деятельности читателя в процессе восприятия произведений подобного рода.

Список литературы

1. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
2. Прозоров В. В. Читатель и литературный процесс. Саратов, 1975.
3. Canetti E. Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend. München, 1988.
4. Fontane Th. Meine Kinderjahre. Autobiographischer Roman. Leipzig, 1971.
5. Graf O. Das Leben meiner Mutter. Berlin, 1974.
6. Grimm G. Einführung in die Rezeptionsforschung // Literatur und Leser. Theorien und Modelle zur Rezeption literarischer Werke. Stuttgart, 1975.
7. Hauptmann G. Das Abenteuer meiner Jugend // Hauptmann G. Das Abenteuer meiner Jugend. Zweites Vierteljahrhundert. Berlin ; Weimar, 1980.
8. Kästner E. Als ich ein kleiner Junge war // Kästner E. Ausgewählte Prosa und Gedichte. М., 1985.
9. Renn L. Meine Kindheit und Jugend. Berlin, 1957.
10. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. М., 1975.
11. Schnitzler A. Jugend in Wien. Eine Autobiographie. Berlin ; Weimar, 1985.
12. Zweig St. Die Welt von gestern: Erinnerungen eines Europäers. Berlin ; Weimar, 1981.

Об авторе

Людмила Михайловна Бондарева — канд. филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.
E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

About the author

Prof. Ludmila Bondareva, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: bondareva.koenig@mail.ru